

У РЕЙХСТАГА СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД

Геorgию Борисовичу Габрусю судьба уготовила в молодости фронтовые дороги – его плацдармы связаны с операциями по освобождению родной земли от немецко-фашистских оккупантов, когда каждый шаг был сопряжён с риском для жизни. Очень важно, что этот героический белорусский парень, которому вместо строительства мирной жизни пришлось несколько лет воевать за свободу Отчизны, оставил воспоминания о фронтовых буднях. Каждое письменное свидетельство о Великой Отечественной, каждое слово фронтовика сегодня имеет особый вес, служба охранной грамотой Великого подвига советского народа, освободившего мир от коричневой чумы.

Воспоминания участника Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. танкиста Георгия Габруся нам предоставил его сын Владимир Габрус, который известен на Камчатке не только тем, что возводил здания и жилые дома в регионе, но и возглавлял строительство газопровода от берега Охотского моря до Петропавловска-Камчатского.

Текст Михаил Жилин, член Союза писателей России

Вот они, исторические фотоснимки завершающих дней Великой Отечественной войны. Май 1945 года. Советские танки на улицах Берлина. Победа! Группа ликующих воинов: в воздух летят шлемы танкистов. А вот группа танкистов у здания поверженного рейхстага. Крайний справа – командир роты тяжёлых танков Георгий Габрус, 24-х летний старший лейтенант, родом из белорусской деревни. Его танки в числе первых подошли к рейхстагу и вели бой за его взятие. Снимки эти утром 2 мая 1945 года сделали военные фотокорреспонденты ТАСС и газеты «Фронтальная иллюстрация» Марк Редькин и Анатолий Архипов.

Войну молодой лейтенант Георгий Габрус, только что окончивший Саратовское танковое училище, начал командиром взвода на Южном фронте. Участвовал в боях на Днестре, под Мариуполем, в Изюм-Барвенковской операции на Донбасе. 16 февраля 1942 года был ранен: осколки попали в лицо, в руки и ноги. О том, что за смелые действия награждён медалью «За отвагу», он узнал на больничной койке. Три месяца пролежал в госпитале в городе Миллерово, а выздоровев – снова воевал на Южном фронте. 5 мая 1943 года в бою за станицу Крымскую получил второе ранение – в правую руку и спину. Снова госпиталь. Изуродованную руку танкиста хотели ампутировать. Но один из врачей настоял на лечении. Четыре месяца провёл в госпитале станицы Брюховецкой Краснодарского края. Изуродованную руку спасли. Когда здоровье пошло на поправку, врачи разрешили ему ходить на прогулку.

В один из дней юный лейтенант познакомился в станице с симпатичной девушкой Лидой. Любовь с первого взгляда была скреплена регистрацией в загсе и скромной солдатской свадьбой. На фронт Георгий Габрус возвратился женатым человеком.

В предписании говорилось: «Направляется на плацдарм под Керчь, в распоряжение командира 85-го отдельного танкового полка полковника Тарасова». В штабе армии предупредили: искать полк надо в посёлке Аджимушкай. На этом клочке земли были полностью уничтожены все

дома и здания: сплошные развалины от бомб и снарядов. Командные пункты размещались в подземелье, в катакомбах. «Мне подсказали, где находится командование танкового полка, – вспоминал Георгий Борисович. – Встретили меня доброжелательно, назначили командиром танкового взвода. Я познакомился со своими новыми сослуживцами. Особенно понравился молодой пулемётчик в моём экипаже, комсомолец Саша Давыдов из города Горького. Этот несовершеннолетний мальчик с сестрёнкой находился в детдоме. Мать умерла, отец погиб на фронте. Не дождавшись призывного возраста, Саша самовольно покинул детдом, пришёл в полк к танкистам и участвовал в боях с ненавистным врагом, сделавшим его сиротой».

85-й танковый полк в составе отдельной Приморской армии в исключительно тяжёлых условиях вёл бои за расширение плацдарма на Крымской земле под городом Керчь. «Нас передислоцировали ближе к переднему краю противника. Фашисты, укрепившись на горе Митридат, ежедневно вели обстрел наших позиций. Однако недолго им пришлось бесчинствовать».

В ночь на 11 апреля 1944 года перешла в наступление отдельная Приморская армия. На острие атаки был танковый полк. Решительным штурмом танкисты смяли укрепление врага. В наступлении участвовал и взвод лейтенанта Габруса. Преследуя и уничтожая противника, танкисты преодолели за сутки около 75 километров.

В последующие десять дней стремительного наступления полк занял позиции на подступах к Севастополю, а затем участвовал в освобождении этого города от фашистов.

Георгий Борисович вспоминает о храбрости и умелых действиях своих друзей-танкистов: «Во время боя взрыв снаряда перебил гусеницу танка Т-34. Но экипаж не растерялся. Он вступил в поединок с батареей противника. Меткие выстрелы Николая Черных, Бориса Степанова и сержанта Липчика вдребезги разнесли немецкую батарею. В этот же день танки под командованием старшего лейтенанта Павла Клименко обна-

ружили отходящий военный эшелон врага и, устроив засаду, уничтожили паровоз и вагоны с живой силой противника. Танкистами был разгромлен аэродром в посёлке Багерово и с ходу захвачен опорный пункт «Семь Колодезей».

9 мая 1944 года город Севастополь в результате Крымской операции полностью был освобождён от немецко-фашистских захватчиков. Танкисты похоронили своих боевых товарищей вблизи железнодорожного вокзала. Приезжающие ныне в этот город видят на этом месте танк Т-34, ставший памятником над могилой 24-х танкистов полка, отдавших жизни за освобождение города. 85-й отдельный танковый полк стал называться Краснознамённым Севастопольским.

После отдыха в Крыму и пополнения полк был передислоцирован в Польшу, на Магнушевский плацдарм. Здесь танкисты в составе 61-й армии 1-го Белорусского фронта участвовали в боях при прорыве важного стратегического узла обороны немцев на реке Висла. За отличные боевые действия при овладении столицей Польши Варшавой приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина 17 января 1945 года старшему лейтенанту Георгию Габрусу объявлена благодарность. На его груди рядом с медалью «За отвагу» появилась медаль «За освобождение Варшавы».

На подступах к Германии Георгий получил от жены радостную весть – он стал отцом, у них родилась дочь Валентина.

В эти дни старший лейтенант Габрус был назначен командиром роты танков Т-34.

«Мой танковый экипаж состоял из четырёх человек: механик-водитель сержант Николай Жилкок из города Сызрань, радист-пулемётчик сержант Вареник Григорий из села Комань Черниговской области, командир башни рядовой Алексей Матухин из города Горячий ключ Краснодарского края и я, командир танка».

У немецкого города Шнайдемюль наступление приостановилось из-за водной преграды. На пути была река Варта. Ночью сапёры соорудили из брёвен переправу, танкисты пере-

можем прорваться». И вдруг я вижу: на малой скорости метрах в 150-200 ползут два танка. Мелькнула мысль: в упор расстрелять их, у немцев поднимется паника, и мы прорвёмся.

Я скомандовал Григорию Варенику: «Бронебойным снарядом, по моторам танков...». Но из-за угла постройки слышу: «Отставить!».

Ко мне подбежал лейтенант пехоты: «Это наши танки пришли на помощь».

Были уже сумерки. Я пошёл по заснеженному полю навстречу танкам. И вдруг на их корпусах вижу кресты. Это фашистские «Пантеры»! Они остановились и, очевидно, видя, что здесь тихо, повернули в сторону и медленно скрылись во мгле. Я вернулся к своим. Во дворе стояли обескураженные офицеры. Я схватил лейтенанта за грудки. «Да за это расстреливать нужно!». Капитан закрыл его от меня: «Прости, лейтенант. Мы не должны были выдать себя. Танки ищут нашу группу. Посмотри, сколько тяжелораненых и беспомощных лежат у стен. Их надо спасать».

Через некоторое время немецкие пехотинцы приблизились к постройкам двора. Солдаты отстреливались с крыш. Создалось критическое положение. Во двор полетели гранаты. Приказываю: «Раненых в танк и на танк, орудие на корму, всем остальным – бегом через поле на восток». Тяжелораненых мы разместили внутри танка, остальных вокруг башни и частично на корму. Я устроился с ранеными возле люка. Мы выскочили из горящего двора, прикрывая выстрелами танка отход пешей группы бойцов. Через несколько километров на большой скорости влетели на окраину населённого пункта. На улице стояли военные повозки. При нашем появлении все шарахнулись в стороны и попрятались. Я остановил танк. Ночь, тишина. Неужели заблудились и попали к немцам? Механику-водителю Николаю Жилюку сказал: «Если что, на полной скорости жми по повозкам». А сам послал в темноту русский мат и спросил: «Кто здесь, выходите». – «А разве вы наши?», – послышалось из-за угла. Выяснилось: мы попали к артиллеристам. «Нам сказали, что впереди наших танков нет, стреляйте

без предупреждения». – «Почему же не стреляли?», – «А вы очень быстро мчались, часовые не успели поднять ребят».

Мы сдали раненых на полевой санитарный пункт, а сами отбыли в расположение своей части.

Рано утром командир полка Тарасов С. Н вызвал меня к себе. Под натиском танковой группировки противника наши войсковые части оставили населённый пункт и заняли оборону в трёх километрах на опушке леса. Мне было приказано с тремя танками Т-34 поступить в распоряжение генерала дивизии. Один из танков вооружён 85-мм пушкой, что меня очень обрадовало. Боевая характеристика этого орудия гораздо выше, чем 76-ти миллиметрового. Мы заняли оборону в боевых порядках пехоты. Танки замаскировали. В 400 метрах в ложине сосредоточились около 10 танков противника. Генерал собрал командиров подразделений. «В трёх километрах проходит главная дорога, по которой наши передовые части ушли к реке Одер расширять плацдарм. Немцы хотят ударом перерезать эту дорогу и лишить наши части связи с тылом. Мы должны отстоять эти три километра. Надеюсь, вы с честью выполните свой долг. Противник с минуты на минуту пойдёт в атаку. Всем по местам!».

Я прибежал к своим танкам и передал приказ генерала: «Стоять насмерть!».

У артиллеристов на высотке перед лесом стояли два орудия калибра более 200 мм. Но на таком близком расстоянии – 400 метров – поразить быстро движущиеся цели они не смогут. Надо было что-то придумать, чтобы обмануть противника. Я собрал экипажи. «Попробуем ввести врага в заблуждение. Атакуем их немедленно, пока они не пошли в атаку. До «Пантер» 400 метров. Ставим прицел, заряжаем бронебойным снарядом и выскакиваем на бугор. Выстрел в лоб «Пантеры», задний ход, перезаряжаем орудие и с другого направления снова на бугор, снова выстрел и задний ход, пока немец не успел выстрелить по нашим танкам». Так и сделали. Когда начали бой, каждый танк сделал по

пять выходов и по пять выстрелов. У немцев сложилось впечатление, что у нас много танков. Затея удалась. Гитлеровцы не ожидали столь мощной атаки. Несколько их танков были подбиты. Одна из «Пантер» затеяла дуэль с нашим артиллерийским орудием. Ей удалось поразить его. К нам прибежал заместитель командира полка майор Зайцев. «Пробовали 85-ти миллиметровым орудием достать их?». – «Далековато». – «А давайте попробуем?». Первый снаряд сделал перелёт, а второй выстрел угодил прямо в цель: «Пантера» замолчала. Так смекалка помогла отстоять важную дорогу».

Приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 5 марта 1945 года за овладение городами Штаргард, Наугард, Польцин – важными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами обороны на Штеттинском направлении – всему личному составу соединения, в том числе и старшему лейтенанту Георгию Габрუსю, была объявлена благодарность. Полк награждён орденом Суворова и стал именоваться Отдельный Севастопольский Краснознамённый ордена Суворова танковый полк.

16 апреля 1945 года началось наступление на Берлин. Перед рассветом тысячи артиллерийских орудий, миномётов, «Катюш» обрушили свою мощь на врага. Канонада нарастала с каждой минутой, всё вокруг слилось в сплошной гул. Вспыхнули сотни прожекторов, освещая и ослепляя оборону противника. В атаку пошли цепи наших солдат, поддерживаемые танками. От взрывов сотен тысяч снарядов и мин, движения техники и людей, в воздух поднялась плотная пелена дыма и пыли.

«На одном из танков соседней колонны я увидел надпись: «Трепещи, Германия, к тебе идёт Россия!», – вспоминал Георгий Габрүсь. – В пойме реки Одер, перед Зееловскими высотами на берегу оросительного канала стояли без движения несколько немецких танков.

Я спросил у сапёров, прокладывающих через канал понтонный мост, что случилось с танками. Оказалось, немецкое командование, чтобы задержать отход своих войск, приказало

взорвать переправу, и танкисты, оказавшись в безвыходном положении, бросили танки и сдались в плен.

На подступах к Берлину постоянно происходили жестокие сражения с гитлеровскими подразделениями. В одном из боёв командир роты Александр Попов получил сильную контузию. Его отправили в медсанбат. Вместо него роту тяжёлых танков ИС-2 командир полка Тарасов приказал возглавить мне. Нам предстояло с боями пройти от Зееловских высот до рейхстага. /.../

21 апреля мы вступили на северо-восточные окраины Берлина. По дорогам продвигаться было опасно, можно было нарваться на мины. Мы лавировали, продвигаясь то через дачные места, то через глухие переулки. В одном месте встретились деревянные бараки, окружённые проволочным ограждением. Остановились. И вдруг из высоких железных ворот выбегает к нашим танкам многочисленная толпа женщин в потрёпанной грязной одежде. Раздаются крики: «Наши! Девочки, выбегайте, наши пришли!». Со слезами на глазах обнимают и целуют ребят. Знакомимся, спрашиваем: «Откуда, сколько лет?». Девушки отвечают: «Я из-под Харькова, 19 лет. А я Смоленская – 21 год. Я из-под Новгорода – 18 лет». Девушки просят, чтобы мы взяли их с собой. «Нет, девушки, нельзя. Подъедет военное начальство, окажет вам помощь. А у нас впереди бой!».

23 апреля танкисты узнали, что до рейхстага три километра. По мере продвижения вперёд сопротивление врага нарастало: бои шли непрерывно, днём и ночью.

«Из окон многоэтажных домов по танкам вёлся огонь фауст-гранатами. Одна граната угодила по лобовой броне моего танка. Сила удара была огромная, но броня выдержала. Во второй танк фауст-граната угодила в башню, выплавив воронку со сквозным отверстием. Два члена экипажа получили тяжёлые ранения. Их отправили в госпиталь. Как двигаться дальше? Фауст-гранатами напичканы почти все квартиры и лестничные площадки домов. Посоветовавшись с командиром передовой штурмовой группы старшим

Воспитанник училища капитан Г. Б. Габрусъ (крайний справа), командир роты тяжёлых танков у поверженного рейхстага, 2 мая 1945 г.

лейтенантом Самсоновым, в составе которой мы были, решили продвигаться по улице, соблюдая круговую оборону. Гранатомётчиков ближе 200 метров не подпускали, вели огонь по домам и перекрёсткам, не приближаясь к ним больше, чем на 300 метров. Многие жители домов бросали квартиры и прятались в подвалах. Оставленные ими фауст-гранаты использовали наши пехотинцы. Они проламывали проходы в заборах и стенах домов, очищая их от гитлеровцев. По мере продвижения, на балконы вывешивали красные флажки, по которым ориентировались танкисты.

Бои внутри города носили тяжёлый характер. Изнутри танковой башни видимость сильно ограничена. Стоило командиру танка приоткрыть люк башни и высунуть голову, как следовал выстрел снайпера, и танкист погибал».

Порой штурмовой группе приходилось вести бой в полном окружении. Нарушалась радиосвязь с танками. Разряжались аккумуляторы. Приходилось экономить горючее и боеприпасы – подвоз их прерывался из-за действий противника. Танкистов выручала смекалка и хорошо организованная круговая оборона:

«Однажды при продвижении в городе произошла заминка. Танки

остановились. Впереди вся улица заполнена людьми. Плотной стеной стояли дети, старики, женщины. К нам подошёл старик-переводчик. Он сказал: «Впереди жители рабочих кварталов. Они не допустили, чтобы фашисты создали здесь оборонительные сооружения и просят русских пройти их квартал без выстрелов. Мы согласились, если не будет сделано ни одного выстрела. Население выполнило обещание, и мы продвинулись километра два без боя».

Оставив позади парк, танки с боем совершили переправу через канал и снова вступили в уличные бои. На перекрёстках улиц путь преграждали баррикады. Танкисты разрушали укрепления, а бойцы штурмовой группы старшего лейтенанта Самсонова снова и снова очищали жилые кварталы от гитлеровцев и вывешивали на балконах красные флаги.

В своей книге «Воспоминания и размышления» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет: «171-я и 150-я стрелковые дивизии, усиленные 23-й танковой бригадой, в ночь на 29 апреля на направлении главного удара корпуса действиями передовых батальонов под командованием старшего лейтенанта К. Я. Самсонова и капитана С. А. Неустроева захватили мост Мольтке».

Владимир Георгиевич Габрус связал свою судьбу с Камчаткой.

В штурмовой группе старшего лейтенанта Самсонова действовала танковая рота Георгия Габруса. Вот как он вспоминает о тех днях:

«Утром 30 апреля танки упёрлись в Т-образный перекрёсток. Влево на взгорке стоит кирха и чуть правее река Шпрее. Вниз по ней около километра – рейхстаг. Справа откуда-то ведёт огонь вражеский пулемётчик. Там многоэтажные дома с башенками и кирхами. Несколько наших солдат, появившихся на перекрёстке, убиты. Я приказал экипажу поставить у перекрёстка танк, обнаружить огневую точку и уничтожить её. Время идёт, а пулемёт противника продолжает стрелять, не даёт пехотинцам продвигаться. Откуда ни возьмись, на улице появился в гражданской одежде рослый молодой немец. Шатается – явно выпивши. Требует командира. Двое танкистов подхватили его под руки и подвели ко мне. «Я рабочий, работал на военном заводе, живу со своей семьёй здесь, рядом. Я знаю башенку, откуда они стреляют». Он указал нам чёрное окошко – амбразуру, где находился пулемёт. Первым же выстрелом наш танк вдребезги разнёс башенку с пулемётом и гитлеровцами. Немец торжествовал, повторяя: «Гут, гут». Я поблагодарил его и отправил домой.

Вот и река Шпрее. На противоположном берегу нагромождения полу-

разрушенных многоэтажных домов. Рядом обширный подвал. Оказалось, там немцы устроили госпиталь. Захожу в операционную. Увидев меня, врачи прекратили операцию раненому. У медицинской сестры поднос с инструментами со звоном упал на бетонный пол. Я не рад, что зашёл туда. Видя в глазах немцев страх, сказал: «Арбайтен зивайтер (Продолжайте работать)». Повернулся и ушёл.

/.../ Поступил приказ от командира полка: «Срочно прибыть со всей группой танков и самоходок СУ-152 в район моста и улицы Мольтке». Предстоял штурм рейхстага. На митинге мне вручили штурмовой красный флаг полка с серпом и молотом.

Мост и полуразрушенные многоэтажные здания на короткой улице Мольтке находились в руках наших бойцов. Впереди открытая площадь, за ней огромное серое здание с куполом – рейхстаг. До него 300–400 метров. Напрямую до здания танкам подойти нельзя – перед площадью широкий и глубокий противотанковый ров, наполовину заполненный водой. Слева, вдоль рва, – переулок, а за ним каменные здания, занятые врагом. За разрушенным мостом несколько сгоревших танков Т-34. Танкисты других воинских частей пытались прорваться к рейхстагу. Но фашистское логово представляло

мощный узел сопротивления, укрепленный многочисленными орудиями и танками. Поэтому для штурма рейхстага командование 3-й ударной армии решило применить нашу группу тяжёлых танков ИС-2 и самоходных установок СУ-152, состоящую из 17 единиц.

В середине дня 30 апреля штурмовая группа перешла мост, запрудив улицу Мольтке, и упёрлась в противотанковый ров. За ним по всей площади, вспаханной снарядами и бомбами, бойцы стрелковых подразделений сосредотачивались к атаке. И вдруг немецкие орудия открыли ураганный огонь. В ответ мы обрушили на фашистов всю мощь наших танков и самоходок. Подавляя огонь противника, обстреливая огромное здание, мы помогали пехоте ворваться в рейхстаг. Вокруг рейхстага вздыбилась от взрывов земля, окрестности заволочило дымом и пылью, стены полуразрушенных зданий разваливались.

Меня срочно вызвал командир полка Тарасов и приказал прекратить огонь: «Наши солдаты уже ворвались в рейхстаг!». Замолчала артиллерия, только в рейхстаге были слышны разрывы гранат и автоматные очереди – там наши бойцы продолжали бой на этажах. Из окон вырывались языки пламени.

/.../ Утром 1 мая по приказу полковника Тарасова мы сделали попытку в обход противотанкового рва пробиться танковой колонной к рейхстагу. Слева, между рвом и углом здания был единственный проход, но настолько узкий, что через него мог пройти только один танк. Дом у прохода был занят гитлеровцами. Я сказал командиру танка младшему лейтенанту Мурату Бисенову: «Прежде, чем двигаться вперёд, нужно обстрелять угол дома осколочными снарядами». Но стоило танку рвануться к проходу, как из окон дома полетели фауст-гранаты. Танк загорелся, загородив путь другим машинам. Трое раненых танкистов, выскочивших из горящей машины, были отправлены в госпиталь.

/.../ До утра 2 мая продолжался бой. Проход был очищен от гитлеровцев, и наша танковая колонна смогла подойти к рейхстагу.

Со стороны Бранденбургских ворот вооружённая группа немцев сделала попытку вырваться из окружения в направлении моста Мольтке, но попала под огонь наших танков и была уничтожена.

Немцы выбросили белые флаги, выходили из подвалов, бросали оружие и строились в длинную колонну военнопленных. Лица наших воинов светились радостью: наконец пришла долгожданная Победа!

Вскоре к моему танку подъехал на машине командир танкового полка Тарасов. Он справился о состоянии дел в роте и вдруг спросил: «А где штурмовой флаг полка?». – «В танке». – «Как!? – возмутился Тарасов. – немедленно установить флаг на куполе рейхстага!».

В помощь мне были приданы механик-водитель Виктор Глушков и радист Анатолий Ручкин. Втроём мы побежали к рейхстагу с флагом. Навверх вела лестница, опутанная колючей проволокой. Мы поднялись до оконного проёма и через него вылезли на крышу небольшой пристройки. Здесь появился с фотоаппаратом корреспондент. Он попросил нас приостановиться и сделал несколько снимков. По железной лестнице мы вылезли на плоскую крышу рейхстага, подошли к основанию изуродованного разрывами железного каркаса купола. Я глянул вниз: там, в 15-20 метрах на полу огромного зала догорало канцелярское имущество. Я добрался до вершины купола и закрепил древко флага. Отсюда, с высокой точки, открывался огромный город с многочисленными очагами пожаров полуразрушенных зданий и домов. Я повернул несколько раз древко и штурмовой флаг нашего 85-го Краснознамённого Севастопольского орденов Суворова и Кутузова танкового полка затрепетал над берлинским небом».

Утром 2 мая в полк прибыли военные фотокорреспонденты Анатолий Архипов и Марк Редькин. Полковник Тарасов приказал командирам рот старшим лейтенантам Габрусю и Мартюшеву сопровождать их. Танкисты, участвовавшие в боях в центре Берлина, были сфотографированы на фоне рейхстага, у Бранденбургских ворот и в других местах города.

На одном из снимков – группа танкистов у поверженного рейхстага. Крайний справа – командир роты тяжёлых танков ИС-2 Георгий Габрусъ.

«К рейхстагу подъехал командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в сопровождении старших офицеров. Всем хотелось поближе увидеть прославленного полководца. Вдруг раздались выстрелы артиллерийских орудий. Георгий Константинович спросил у офицеров, что за выстрелы. Ему пояснили: немецкий снайпер из развалин дома открыл стрельбу и ранил в ногу майора. Артиллеристы уничтожают вражескую точку.

Г. К. Жуков продолжил осматривать поверженный рейхстаг, над которым развевалось Знамя Победы, установленное сержантом Егоровым и младшим сержантом Кантария. Вместе с другими штурмовыми флагами над куполом развевался и флаг нашего 85-го танкового полка».

За овладение городом Берлин личному составу полка, в том числе и гвардии старшему лейтенанту Георгию Габрусю, приказом от 2 мая 1945 года объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Георгий Борисович был награждён медалью «За взятие Берлина».

Дорогие награды хранятся в семье его сына Владимира Георгиевича.

Демобилизовавшись из армии в звании капитана, Георгий Габрусъ побывал на родине – в белорусской деревне Козуличи, где жила мать. Отец умер ещё в 1927 году. В семье было шесть братьев и две сестры. Трое погибли на фронте, четвёртого арестовали немцы, – судьба его неизвестна. Двух сестёр угнали в Германию, – девушки вернулись домой только после Победы.

В книге «Я из огненной деревни» белорусские писатели Алесь Адамович, Янка Брыль и Владимир Колесник приводят воспоминания чудом оставшейся в живых Акулины Панкратовны Габрусъ, о том, как каратели расправлялись с жителями деревни Козуличи: убивали, сжигали, угоняли в Германию.

«Ну, их обняли кругом, один к одному стояли – кругом! И паль-

цем не проткнешь – от шляху и до шляху, кругом этого здания. А людей же полный двор. И вот их прут в эти двери, душат, гонят в эти двери, а там – в крупорушку. /.../ Я перебежала на эту сторону, упала. Упала с этой девочкой. Потом приподнялась. И идут ещё – одна шеренга, другая шеренга. Думаю – всё равно – те отпустили, эти убьют. Не. Не тронули. /.../ Я как оглянулась: «Э-э, уже дым!» Только пулемётом, слышно было: тр-тр-тр! Как вталкивали там – так сразу и убивали. А тогда уже и запалили. /.../ Три года оно, може, у меня с глаз не сходило, стояло в глазах и стояло...».

Из общего количества 9200 белорусских деревень, сожжённых гитлеровцами за годы Великой Отечественной войны, 4885 было уничтожено карателями. Полностью, Ёсо всеми жителями, сожжено 627 деревень, с частью населения – 4258. Такую страшную статистику приводят авторы в книге.

После побывки на родине Георгий Габрусъ уехал на Кубань к семье. Он поселился в станице Крымской Краснодарского края, которую освобождал в 1943 году. Несколько лет работал в лесхозе инспектором по охране леса. А потом судьба забросила его на Дальний Восток, которому он отдал 45 лет жизни.

Георгий Борисович Габрусъ вместе с женой Лидией Фёдоровной воспитали троих детей: дочь и двух сыновей. Старший из сыновей Владимир Георгиевич связал свою судьбу с Камчаткой. Окончив Политехнический институт в Хабаровске, он прошёл все ступени строительного мастерства, став генеральным директором «Камчатстроя», а затем возглавил акционерное общество «Камчатгазпром».

